

**АФРИКАНИСТИКА НА XVI МЕЖДУНАРОДНОМ
КОНГРЕССЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
И ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
(27–31 ИЮНЯ 2009 г., КУНМИНЬ, КИТАЙ)**

Шестнадцатый международный конгресс антропологов и этнологов был весьма представительным. Он собрал более трех тысяч участников, а заявок было еще больше (не все сумели приехать, в частности из-за перенесения его на год). Однако тезисы докладов были опубликованы, что дает возможность представить круг тем, волнующих современных исследователей.

Все доклады были сгруппированы по 10 большим блокам, внутри которых делились по секциям: «Глобализация», «Этнические отношения и идентичность», «Гендерные исследования», «Теоретическая антропология», «Антропология развития», «Музеи и культурное наследие» и т.п. Помимо этого было несколько региональных секций. Основным интересом большинства участников был сосредоточен на проблемах Китая и прилегающих регионов — Дальнего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии. Однако немалое место занимала и африканистская тематика, чего не было на предыдущих конгрессах. Отдельной секции по этому направлению не было, поэтому доклады были разбросаны по разным.

Около 20 из них были представлены африканистами за пределами Африки. Отметим, что помимо «классических центров европейской африканистики» были представлены такие страны, как Индия, Швейцария, Китай, Нидерланды, Бразилия, Израиль и др. Но большинство докладчиков было из стран Африки (50). Впервые их число превысило число западных коллег. Представлены были 14 африканских стран (Бенин, ДРК, Гана, Кот-д'Ивуар, Нигерия, Танзания, Эфиопия, Мозамбик, ЮАР, Сенегал, Кения, Мали, Уганда, Камерун). Некоторые докладчики-африканцы работают в США или странах Европы. Столь широкое представительство говорит о растущем интересе африканских ученых к проблемам антропологии в самом широком смысле. Во многих странах континента не только появились свои антропологи (хотя некоторые из них работают в

научных центрах Европы и Нового Света), но и создана Панафриканская ассоциация антропологов.

Можно вычленить основные проблемы, которые их интересуют. Конкретное описание тех или иных этносов или элементов культуры минимально. Можно назвать лишь два доклада об изменении правил общения в современных африканских обществах. Так, известно, что традиционное африканское жилище представляло собой комплекс отдельных хижин либо замкнутый «компаунд» с внутренним двором, куда никогда не допускались посторонние. Местом общения с ними была «входная хижина» либо особое помещение (часто называемое европейцами «вестибюль») при входе в жилой комплекс. Сакко Уссуби (Япония) изучал города сахельской зоны Западной Африки и показал, что ныне эти помещения утратили свое былое значение. Вместо них появились гостиные. Само общение чаще стало проходить за пределами жилищ — в школах, магазинах, мастерских и т.д. А согласно докладу Джинджи Маммеда на севере Камеруна традиция общения (в том числе делового) еще сохраняется. Безусловно, появились офисы европейского типа, зачастую довольно богатые. Однако они, как правило, выполняют лишь представительские функции, а все общение происходит, как и в былые времена, на открытом воздухе, под старым деревом, на коврах, принесенных с собой из дома.

Более важными африканским антропологам кажутся иные проблемы. Прежде всего, это роль антропологической науки в современной Африке, которая была дискредитирована «правительственными антропологами» метрополий. Требуется, по мнению докладчиков, новый подход к исследованиям, изучение современных процессов, подготовка молодых антропологов в странах Африки. Неудивительно, что этой проблеме был посвящен целый ряд докладов, в частности Нголи Нкви. Цель возглавляемой им Панафриканской ассоциации антропологов — реабилитировать антропологию, которая, по общераспространенному мнению, долгие годы играла роль «служанки колониализма», и «придать ей почетное место среди социальных наук». Ему вторит Э.Э. Анугвон из Нигерии. Он считает необходимым «рассеять туман колониализма» в антропологии, готовить собственных антропологов, заниматься не только изучением традиционного прошлого, но и исследованиями современности. Для этого необходимо ввести в высших учебных заведениях, как это уже сделано в Университете Найроби (этому был посвящен доклад

Исаака Ньямого из Кении), курс антропологии, что принесет несомненную пользу в изучении и практическом использовании социальных наук.

Теоретические аспекты менее всего интересуют местных африканистов-антропологов. Не случайно лишь немногие доклады в этой секции были посвящены Африке, и все представлены неафриканцами. Китайский исследователь Ма Янкун полагает, что Африка со времени антропогенеза продемонстрировала уникальную систему саморегуляции, которую Запад недооценивает. Как следствие необходима корректировка взглядов на место и роль Африки в мировой истории, которые более значительны, чем принято считать. Поляк Михаил Тымовский вполне справедливо доказывает, что к африканским раннегосударственным образованиям доколониальной Африки неправомерно применять термин «империи», что еще нередко встречается. А Шалва Вейл из Израиля выступает против признания фалаша (черных евреев, или Бета Израиль) самостоятельным племенем, считая, что они являются частью народа Израиля. Именно в этой секции были зарегистрированы выступления российских антропологов Д.М. Бондаренко, В.А. Попова, Д.С. Халтуриной, В.Р. Арсеньева.

Столь же мало внимания уделялось проблеме музеефикации, хотя по этой проблеме работала довольно большая секция. Два доклада, связанные с представлением африканистики в музеях, были представлены европейцами (сотрудником Кунсткамеры в Санкт-Петербурге А. Сиим и Дж.С.Х. Кингом из Британского музея в Лондоне). К этой теме близка проблема создания «культурных деревень». Этот процесс уже идет во многих странах мира, в том числе и в Африке (так, их уже немало в ЮАР, есть такие в Камеруне, создаются на юго-западе Эфиопии). Для их создателей они являются прежде всего туристическим объектом и источником получения дополнительной валюты. Однако, по мнению Махамвари Найду из ЮАР, такие «культурные деревни» должны рассматриваться не только в сфере экономической выгоды, но и как способ сохранения традиционной культуры и образа жизни.

Основной задачей африканские антропологи считают изучение современности, тенденций этнокультурного развития, места и роли традиций в этом процессе. В связи с этим встает и вопрос о расширении корпуса источников. Этой проблеме также уделялось немалое влияние. Всеми авторами отмечается эрозия, «распад старых

культурных ценностей в результате развития капитализма», что, по мнению, например, Аджибеде Эбenezера Иабеде из Нигерии, ведет к преступности, бедности, падению морали и другим бедам многих современных обществ. Тем более важными они считают изучение сохранившихся традиций и использование их во благо современного и будущего развития. Практически все доклады основаны на недавних собственных наблюдениях, либо персональных, либо в составе международных организаций (таких как, например, Всемирная организация здравоохранения). Особое внимание, по мнению многих, которое озвучил Арета Аса Китикипи из Нигерии, нужно уделить фиксации исчезающих форм символики и устной передачи информации, имеющих глубокое значение не только для процессов социализации, но и для жизни социума в целом. Необходимо также расширение корпуса источников за счет данных массмедиа, электронных технологий и т.п. Особенно это важно, как полагают Д.Л. Богона и Н. Манг, для ЮАР, где в последние годы происходят очень быстрые и резкие изменения в образе жизни всех народов страны. Еще один новый источник, мало привлекаемый в своих работах антропологами, — кинопродукция. С точки зрения антропологических исследований было проанализировано пять малийских художественных фильмов, выпущенных в последние годы.

Доклады с подобной тематикой распределялись по различным секциям. Так, в секции «Религия» лишь один представитель из России (Э. Львова) коснулся африканских реалий. Нигерийский автор исследовал религиозные тексты Древнего Египта. Однако немало докладов, связанных с разными аспектами традиционных верований, были разбросаны по другим секциям: «Глобализация», «Традиции и современность», «Экология» и т.п. Так, южноафриканец Султан Хан проанализировал процесс возникновения новых синкретических ритуальных практик у индийцев ЮАР и как следствие возникновение конфликтов индийской диаспоры и с Индией, и с мусульманским миром, и с южноафриканским обществом.

Часто подчеркивалась тесная связь традиционных верований с природой. При этом выявилось двойственное влияние этой связи. С одной стороны, подчеркивалась их роль в сохранении природной среды. Этому способствует понятие сакрального значения леса и иных природных объектов, что запрещает вырубку, вытаптывание и т.п., корректное и избирательное использование природных продуктов как сырья для приготовления ритуальных снадобий и лекарств,

что также связано с традиционными верованиями. Существовавшие веками правила их использования способствовали сохранению баланса природопользования. Этим аспектам посвящены доклады авторов из Кении и Камеруна. Докладчики считают, что в современных условиях необходимо создание государственных программ сохранения природы, а новые структуры, как и уже существующие (например, «Форест Гард» в Кении), должны быть наделены функциями не только контроля, но и фиксации и соблюдения традиций, учитывая глубокую связь социальной и природной среды. С другой стороны, пищевые традиции и древние ритуалы иногда, как показывают бенинские исследователи, угрожают сохранению видов: мангустов, крокодилов, обезьян, чьи органы используются знахарями для приготовления как лекарственных препаратов, так и ритуальных снадобий и артефактов. То же касается сокращения популяций рыб в Уганде.

Состояние и значение связи современности и традиции также оценивается как двойственное. Прежде всего обращается пристальное внимание на сложившиеся веками хозяйственные навыки и возможности, а иногда необходимость использования их сегодня. Так, танзанийские ученые Силас Шемдо и Хильдект Бертольд Мси-та считают, что традиционные знания правил выпаса скота, водозабора, террасирования, методы восстановления плодородия почвы должны быть собраны, изучены и стать базой для решения устойчивого развития, возможности сохранения и потребления природных ресурсов не только сейчас, но и в будущем. Эфиопские ученые предлагают практическое решение районирования хозяйственных занятий, изучив традиционную практику возделывания кофе и пчеловодства у разных народов страны. Французский антрополог, работавший в Камеруне, предлагает использовать народный опыт высаживания определенных видов кустарников и деревьев для защиты посевов.

Неоднократно обращается внимание на то, что как современные политические организации и правительства государств Африки, так и отдельные политические и государственные деятели не осознают неразрывной связи социальной системы, экономики и природы. Утверждается, что без учета культурных традиций невозможно выполнение принятой в 2000 г. Декларации тысячелетия ООН, а это очень мощный инструмент. Игнорирование же этого положения очень осложняет и без того тяжелую ситуацию, характерную для

большинства африканских обществ. Таково мнение Мала Армаи Вильяма из Камеруна, Кофи Нсиа из Ганы и многих других. Проводится также мысль о необходимости поддержки традиционных лидеров и местных общин, о необходимости гармонизации традиционной практики и современных научных технологий.

Рассматривалась и проблема прав человека. Для Африки, как видно из представленных тем исследования, наиболее актуальны в ее рамках гендерные, традиционные социальные и этнические аспекты. И западные, и местные африканские антропологи подчеркивают, что создание правового гражданского общества невозможно без учета советов антропологов, основанных на изучении традиций. Учет традиционных знаний необходим для формирования и нормального функционирования информационного общества, утверждает, например, Аболу Камель Роже из Кот-д'Ивуара. А Стефан Рейли из США и Марус Вайлеман из Швейцарии настаивают на том, что Мировой Банк должен во всех своих программах, международных документах о создании гражданского общества, правах человека и равенстве полов учитывать это обстоятельство. Провозглашение принципа демократии, основанное только на европейском и североамериканском опыте не работает в Африке. Риккардо Чиаволелла из Италии доказывает это на примере выборов 2006 г. в Мавритании, когда в списке избирателей не были включены харрадины и фульбе-кочевники, сильно было влияние и даже давление на рядовых избирателей знати, особенно в берберских племенах.

В ключе проблемы прав человека изучалась социализация девушек у некоторых народов Мозамбика. Докладчики, работавшие в этой стране по программе ВОЗ, на основании полевых исследований показали, что по-прежнему женские инициации (включая обрезание) остаются необходимым элементом и условием социализации девушек. Именно эти особенности культуры, по мнению Анты Нудельман из Израиля, изучающей сходные традиционные практики в Нигерии, ведут к широкому распространению СПИДа. Нужно, как она полагает, создание системы широкой пропаганды и просветительства.

Целый ряд докладов посвящен изучению этнических процессов, значительно изменившихся в современных условиях благодаря быстро растущей урбанизации, многочисленным миграциям (как внутри отдельных государств, так и вне их), развитию ранее существовавших и вновь возникающих диаспор, новой демократической

политике некоторых правительств. Примером наиболее благополучного развития этнических и расовых отношений является, по мнению исследователей из Йоханнесбурга, путь к созданию «нации радуги», на который встало общество ЮАР после падения политики апартейда, и начало демократизации. Африканские антропологи отметили заметный рост межрасовых связей. Следует, однако, заметить, что эти процессы изучались в крупном городе, несомненно, в других районах страны ситуация гораздо сложнее.

Большое значение придают они наблюдению за этническими процессами при миграциях и в диаспорах (и на самом континенте, и за его пределами), снижению (либо усложнению) этнической напряженности в связи с этим. Такубаа Манух из Ганы предложил типологию миграций: трудовые, сезонные, беженческие, уход в города, «утечка мозгов» и т.п. Все они, подчеркивает докладчик, меняют этнокультурный облик общества. Самые древние из них и последующее этническое смешение сказались, как показали палеологические исследования, на этническом составе населения Африканского Рога и Ближнего и Среднего Востока.

Причины современных миграций, их ранее невиданных масштабов различны. Это и демографическое давление, и использование сельскохозяйственных земель под различные государственные программы, и засухи и иные природные катаклизмы, и обнищание деревни, а особенно в последние годы — гражданские и межгосударственные войны, и многое другое. Все это ведет к переселению, появлению массы беженцев и временных мигрантов в более благополучных областях или странах. В этих условиях трудно сохранить традиции как пришельцам, так и постоянному населению. Изучению внутренней миграции номадов (прежде всего масаев) в Восточной Африке посвятил свой доклад Элиот Фрадкин из США. Он отметил, что основной трудностью стала потеря пастбищ (из-за отведения площадей под парки и ранчо, продажи в частные руки, засухи и т.п.), недостаток воды для скота. Усугубили положение войны, прошедшие в последние годы в соседних странах, куда вели традиционные пути перекочевок (в Судане, Эфиопии, Кении, Сомали). Кроме того, это повлекло поток беженцев из этих государств. Результатом стали массовые переселения номадов в города и как следствие изменение половозрастных ролей и социальной структуры, распад единства, утрата своего языка и самосознания.

Несколько иначе складывается ситуация в Западной Африке. Основной причиной миграций внутри этого региона являются периодические засухи и все ускоряющееся опустынивание. В частности, согласно исследованиям Ишияма Шун, почти половина населения в районе озера Чад — пришельцы. Это привело к давлению на землю, и, следовательно, этническому напряжению, борьбе за передел земли, пограничным спорам и т.п. Несколько докладов посвящено особенно сложной ситуации, сложившейся в Кот-д'Ивуаре. Согласно Куаку Нсеган Франсуа, сейчас в стране более двух миллионов беженцев из Сьерра-Леоне, Гвинеи, Либерии, переживших или переживающих гражданские войны. В результате происходят культурные изменения, распад некоторых этносов, создание новых этносоциальных единиц. В условиях нестабильности, угрозы военных столкновений в этих обществах, как показал Бруно Лавине Диломфу, возрастает, в частности, роль традиционной медицины, знахарей и колдунов, чья компетенция распространяется далеко за пределы собственного этноса. По его мнению, следует учитывать это обстоятельство, успехи традиционной медицины, стараться сохранить ее, преподавая ее курс в университетах. Поль Гвейн утверждает, что если ранее были ровные отношения между отдельными этносами, то сейчас из-за пришлых мигрантов в результате давления на землю, споров из-за природных ресурсов идет разрушение былой толерантности. Чтобы восстановить ее, по его мнению, следует «подняться над религией (а здесь живут и мусульмане, и католики, и приверженцы традиционных верований. — Э.Л.), бедностью, этничностью» и искать компромиссы. А Альфред Бабо добавляет, что для этого нужно использовать традиционные ритуалы примирения, существующие издавна во всех традиционных обществах, таких как «зомкон» у буркинабе. Нгиессана Конаку и Ирафивла Туре также отмечают значительные культурные изменения в связи с потоками беженцев и полагают, что необходимо внимательное изучение взаимовлияний, а также проведение этнической реконструкции.

Эту точку зрения разделяют и ученые из Сенегала — Сильван Ландри Фейфи, изучавший конфликт фульбе с тукулерами, и Ндиайо Ламине, посвятивший свой доклад роли, которую играют в стране волоф. Другие сенегальцы (Поль Дьедху и Мустафа Тамба) рассматривали конфликтные ситуации с диула и жителями Казаманса. Они показали, что истоки конфликтов — не врожденное

«стремление к войне» у традиционных воинов, а чисто экономические причины, порожденные бедностью. Для решения их существуют традиционные правила, и действовать следует «через присущий им (всем народам Сенегала. — Э.Л.) дух коммунизма и солидарности, через развитие ритуала как средства социокультурной регуляции насилия».

В таких условиях недавнего тесного проживания различных этносов возникает проблема коммуникации. В постоянном контакте оказываются носители не только этнических языков, но и европейских, являющихся государственными или официальными и знакомыми большинству. Так, во франкоязычном Кот-д'Ивуаре появились беженцы из англоязычных Сьерра-Леоне и Либерии. Необходимо поиск языка межэтнического общения. Пример такой попытки — появление в Нигерии синкретических языковых форм: ебоникс, импирингво и т.п., где сочетаются элементы нескольких местных и английского пиджинизированного языка.

Сходные проблемы возникают и в диаспорах. Были представлены доклады по истории складывания и современному состоянию в ЮАР индийской общины, насчитывающей уже почти 400-летнюю историю (Кампала Хуралал), и китайской, существующей с 1904 г. (Бетти Дж. Харрис). Внутри подобных инонациональных диаспор, естественно, неизбежны знаковые изменения. Это отмечали многие докладчики. В частности, Равендра К.Джойс из Дели показал, что так как хранителями традиций являются, как правило, женщины, то увеличение в XX в. их численности в индийской диаспоре ЮАР привело к консервации многих культурных элементов и усложнению и замедлению процесса адаптации. Меняются и социальные роли в диаспоре. Наиболее благополучно, считает Сушита Рамдиш из ЮАР, складывается ситуация на Маврикий, где происходит создание «гармоничного сепаратизма» и уменьшается роль «секторского фактора», т.е. относительной замкнутости и изоляции групп африканцев, китайцев, индийцев.

Максвелл Овусу (нигериец, работающий ныне в США) выдвигает несколько спорное, на наш взгляд, утверждение о том, что миграции африканцев — не новое явление, оно свойственно всем доколониальным обществам, в которых, по его мнению, существовала «нацеленность на миграции». Новым элементом он считает лишь ориентацию на Европу и Новый Свет. Для минимизации этого направления, полагает Овусу, необходимо ускоренное развитие самих

африканских стран. Анализу существующей и все растущей миграции в европейские страны посвятил свой доклад Такубаб Маух. Он отметил, что этот процесс порождает взаимную ксенофобию, для преодоления которой необходимы серьезные усилия в странах как Европы, так и Африки.

Подводя итоги, следует отметить, что на международном уровне интерес антропологов к африканистике постоянно растет. Расширяется география центров изучения африканских проблем. Антропология Африки перестает быть предметом исследования европейских и американских ученых. Уже сложился и продолжает расширяться слой африканских исследователей. Создана Панафриканская ассоциация антропологов. Хотя спектр их интересов еще не очень широк, но явно заметен выход за пределы изучения собственного этноса, что еще недавно было очень редким явлением. Особенно следует отметить, что появились доклады (хотя и не только африканских антропологов), сравнивающие положение и этнические проблемы африканских народов, диаспор, миграций с таковыми или подобными в иных странах — Китае, Бразилии, Северной Америке, Ямайке, Мексике и т.д. Большинство озабочено не столько теоретическим осмыслением проблем антропологии, сколько практическим применением культурных традиций, использованием их в целях современного развития, демократизации обществ, борьбы с бедностью и т.п. Доклады на конгрессе обозначили основные проблемы современного этапа антропологической науки в Африке, поставили определенные задачи. Решение их — дело будущего.

Литература

16th Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Humanity, Development and Cultural Diversity. Papers. Abstracts. Vol. 1–10. Kunmin, China 2009 IUAES (дискеты были выданы участникам, всего около 1000 с. — Э.Л.).